

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(47).084.8/9+929

«БАТЮШКА С МОТОЦИКЛОМ» В СОВЕТСКОМ СЕЛЕ: ОПЫТ ЛОКАЛЬНОГО ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ¹

А. В. Апанасенок

Региональный открытый социальный институт,
кафедра гуманитарных дисциплин, г. Курск, Россия

Статья посвящена анализу жизненного пути сельского старообрядческого священнослужителя, сумевшего сохранить полноценную церковную жизнь в своем приходе на протяжении нескольких десятилетий советской эпохи. Автор сопоставляет оценки его деятельности, представленные, с одной стороны, в документах курского уполномоченного Ссовета по делам религиозных культов, а с другой – в воспоминаниях односельчан и знакомых священника. В работе демонстрируется важность изучения «большой» конфессиональной истории через обращение к персональным историям «маленьких людей».

Ключевые слова: история российской провинции, конфессиональная культура, советский строй, историко-биографические исследования.

Изучение конфессионального прошлого нашей страны уже довольно долго остается направлением, популярным у исследователей. За последние тридцать лет написаны сотни монографий и научных статей, так или иначе касающихся и церковной истории в советскую эпоху. Ежегодно защищаются диссертации, проводятся конференции, посвященные этой проблематике. Однако можно ли сказать, что мы хорошо разобрались в конфессиональных процессах ушедшего столетия и готовы дать ответы на фундаментальные вопросы, сформулированные ещё в 1990-е гг.? Был ли СССР страной массового безбожия или массовой латентной религиозности? Сколько было верующих в СССР (России) на разных исторических промежутках? Насколько тяжело было оставаться верующим, насколько трудно было священнослужителям в условиях тех или иных государственных кампаний? Всегда ли советские правоприменительные практики в отношении клириков соответствовали советскому законодательству в религиозной сфере? Разумеется, многие вопросы такого рода не могут претендовать на точные ответы (религия – не экономика,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00618 А

некоторые вещи неизмеряемы). Однако наличие бурных общественных дискуссий, спекуляций в СМИ, диаметрально противоположных оценок в рамках указанной проблематики свидетельствует о том, что порой мы не имеем даже приблизительных ответов.

Думается, что проблемы воссоздания недавнего конфессионального прошлого в значительной мере связаны с господствующим подходом к его изучению. Как справедливо замечает М. В. Каиль, историописание в России государствоцентрично. Традиции, заложенные императорскими историографами (ставившими в центр рассмотрения исторического процесса государство и составляющие его институты), получили развитие в советских и постсоветских реалиях. В современном историописании как большинство авторов, так и привыкших к такому фокусу читателей интересуют отношения церковной иерархии и государства, государства и церкви в её институциональном понимании и строении². Так, церковная история советской эпохи в большинстве случаев исследуется следующим образом: изучается комплекс нормативно-правовых документов, определявших основы государственной политики в отношении религии и верующих, рассматривается комплекс государственных (государственно-общественных) мероприятий, направленных на имплементацию этой политики, затем анализируется статистика (открытие/закрытие приходов, посещение верующим храмов) и подбираются примеры, иллюстрирующие эффекты тех или иных государственных мер. Конечно, без использования такой модели не обойтись, но ее доминирование приводит к односторонности исследовательского взгляда: конфессиональная история представляется всецело зависимой от истории политической. Однако нельзя не помнить о том, что сама природа конфессиональных феноменов такова, что в изменении форм и практик исповедания, миссии, общения с миром ключевое значение имеет персональный, индивидуально-личностный план – осмысление и переживание событий для каждого имеет свои особенности и краски, обстоятельства жизни, мировоззрение, круг занятий и интересов – всё это отражается на модели и практиках исповедания веры каждым верующим³.

Такого рода соображения заставляют думать, что дальнейшее обогащение историографии церковного прошлого в XX в. должно быть связано с активным использованием историко-биографического метода, дающего возможность посмотреть на конфессиональное прошлое не со стороны государства, а со стороны верующих. Причём в исследовательский фокус должны

² Каиль М. В. Биографика новейшей истории православия: поиски метода, историографический опыт и тенденции развития // Российское православие от модерна к сегодняшнему дню (конец XIX – конец XX вв.): Проекция Великой русской революции в истории и историографии: сб. матер. междунар. науч. конф. Смоленск, 2018. С. 245.

Kail' M. V., *Biografika novejshej istorii pravoslaviya: poiski metoda, istoriograficheskij opyt i tendencii razvitiya*, Rossijskoe pravoslavie ot moderna k segodnyashnemu dnyu (konec XIX – konec XX vv.), Proekcii Velikoj russkoj revoljucii v istorii i istoriografii, Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Smolensk, 2018, S. 245.

³ Там же. С. 246.

Ibid, S. 246.

попадать не только известные личности – архиереи или мученики. Важно помнить, что церковь (православная или какая-либо иная) – это совокупность всех верующих, а её история – это история духовных исканий, колебаний, отступничества и побед миллионов людей. Нужно согласиться с М. В. Каилем, который настаивает на введении в практику исследований конфессиональных процессов жанра «негероической биографии». Этот жанр предполагает изучение историй персон, традиционно не попадающих в фокус «большой истории», – сельских священников, дьяконов и псаломщиков, а также биографий «инаковых» (старообрядцев, катакомбников, обновленцев и т. д.)⁴. Чем больше такого рода персональных историй мы будем иметь, тем понятнее и «живее» окажется противоречивая конфессиональная история XX в.

В памяти клириков Успенской старообрядческой церкви г. Курска хранится имя о. Моисея – сельского старообрядческого священника много раз рисковавшего жизнью, но при этом пережившего несколько эпох. Через несколько лет в фонде уполномоченного Совета по делам религиозных культов Государственного архива Курской области были случайно обнаружены документы, характеризующие жизненный путь этого священника, а в 2018 г. уже целенаправленно побывал в родном селе о. Моисея и пообщался с людьми, помнящими его. Это общение затем продолжилось и в Курске. Соединенная воедино архивная и «полевая» работа вылилась в мини-исследование. Последнее дало достаточно сведений для того, чтобы в общих чертах воссоздать «негероическую биографию», имевшую, впрочем, «героический» оттенок для некоторых современников сельского батюшки.

Даже общая канва событий жизненного пути М. Т. Семенихина (представленная в его анкете-автобиографии и справках о религиозной жизни Скороднянской старообрядческой общины в 1940–1970-е гг.) выглядит интересной для исследователя. Согласно собственноручно заполненной анкете, будущий священник родился в крестьянской семье 28 марта 1885 г. в с. Скородном Фатежского уезда Курской губернии⁵. Впоследствии знавшие его люди высказывали предположение, что о. Моисей мог приписать себе несколько лет (слишком «крепким» выглядел в послевоенные годы)⁶, однако других данных о его возрасте не встречается, да и у официальных инстанций указанная дата сомнений не вызывала. В детстве Моисей Семенихин несколько лет ходил в местную школу, стал певчим в местном же молитвенном доме. Село Скородное было одним из центров староверия Курской губернии: в конце XIX – начале XX в. здесь проживало до пятисот верующих-старообрядцев, принадлежавших к беглопоповскому согласию. В селе было

⁴ Каиль М. В. Указ. соч. С. 247.

Kaill M. V., *Op. cit.*, S. 247.

⁵ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 5200. Оп. 1. Д. 65. Л. 3. State Archives of Kursk Region (GAKO), F. 5200, Op. 1, D. 65, L. 3.

⁶ Запись беседы с В.Т. Митрофановым. Село Скородное Золотухинского района Курской области, 15.05.2018 г. (Личный архив автора).

Zapis' besedy s V.T. Mitrofanovym. Selo Skorodnoe Zolotuhinskogo rajona Kurskoj oblasti, 15.05.2018 g. (Personal archive of the author).

несколько уставщиков, кроме того, сюда регулярно приезжали «бегствующие» от официально-православной церкви священнослужители для исполнения таинств. Пример последних, видимо, вдохновил Моисея на собственные путешествия: в юности (год точно не известен) он покинул родительский дом и какое-то время странствовал по стране, пока в 1916 г. не стал псаломщиком в старообрядческом храме пос. Сычевка Смоленской губернии⁷. После революции 1917 г. вернулся домой, обзавёлся хозяйством и семьёй (в семье родились три дочери). В 1929 г., после обретения старообрядческим беглопоповским согласием собственного епископа и, соответственно, собственной трехчинной иерархии, получил сан священника. Как сам он отметил в анкете, «духовный сан получил не по образованию, а по практике», имея в виду свой ранний опыт церковного служения⁸.

*О. Моисей Семенихин в облачении. Предположительно 1930 г.
(Фото из личного архива Л.С. Чаплыгиной)*

⁷ ГАКО. Ф. 5200. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.
ГАКО, Ф. 5200, Оп. 1, Д. 65, Л. 3.

⁸ Там же.

Ibidem.

Теперь началась служба в качестве приходского настоятеля в местном молитвенном доме, которая, впрочем, продолжалась недолго: в 1931 г. М. Т. Семенихин вместе с семьей был раскулачен, за неуплату налога на хозяйство оказался под угрозой репрессий, однако скрылся и последующие десять лет провел вдали от дома, зарабатывая на жизнь физическим трудом. В 1932–1933 гг. работал столяром на Павелецком вокзале в Москве, в 1933–1936 гг. – строительным десятником на Первом Московском конзаводе (там же прошел инженерно-технические курсы). В 1936 г. о. Моисей решил переселиться поближе к дому и устроился работать строительным техником на конзавод в Орел, в 1937 г. переехал в Курск, поступив сначала десятником в Горстройтрест, затем – в Облнефлесбыт. В 1940 г. М. Т. Семенихин перебрался работать на кирпичный завод им. И. В. Сталина, располагавшийся в Золотухинском районе Курской области буквально в нескольких километрах от его родного села. В само с. Скородное он вернулся уже во время оккупации в конце 1941 г., при помощи односельчан построил новый молитвенный дом⁹ (старый был разрушен в 1933 г.)¹⁰ и уже в марте 1942 г. возобновил служение в качестве священника. После освобождения Курской области о. Моисей остался в своем селе и, более того, добился официальной регистрации властями религиозной общины местных старообрядцев. Эта община была внесена в соответствующий реестр 20 сентября 1946 г.¹¹ и, в отличие от ряда других старообрядческих обществ Курской области, сохраняла регистрацию на протяжении всего советского периода. При этом она оказалась самой крупной в регионе. Например, в 1954 г. здесь насчитывалось 450 верующих-старообрядцев – существенно больше, чем в других курских общинах, в том числе и тех, которые в начале XX в. считались более многочисленными¹². В послевоенные десятилетия курские старообрядцы регулярно возили в с.Скородное младенцев для крещения. Так, в одном только 1963 г. курский уполномоченный по делам религиозных культов узнал о 14 случаях крещения в с. Скородном¹³ (на самом деле их могло быть существенно больше). О. Моисей регулярно служил в собственноручно построенном молитвенном доме практически до смерти, последовавшей, согласно установленной на его могиле табличке, в 1980 г. Если официальные данные о дате его рождения верны, священник прожил 95 лет.

Кроме ощущения незаурядности жизненного пути, изложенная в таком кратком виде история о. Моисея вызывает несколько существенных вопросов. Во-первых, почему раскулаченному священнику в 1931 г. (когда

⁹ ГАКО. Ф. 5200. Оп. 1. Д. 65. Л. 3об.

ГАКО, Ф. 5200, Оп. 1, Д. 65, Л. 3 об.

¹⁰ Там же. Л. 1.

Ibid, L. 1.

¹¹ Там же. Д. 62. Л. 51.

Ibid, D. 62, L. 51.

¹² Там же. Л. 4.

Ibid, L. 4.

¹³ Там же. Д. 87. Л. 5.

Ibid, D. 87, L. 5.

борьба со старообрядчеством была почти приравнена к борьбе с кулачеством и контрреволюцией) удалось так просто скрыться и найти работу в столице? Во-вторых, как о. Моисей, отстроивший свой молитвенный дом и организовавший в нем регулярные богослужения во время оккупации, сумел избежать репрессий после освобождения Курской области от немцев? Наконец, почему священник с таким «антисоветским» прошлым сумел зарегистрировать религиозное общество и благополучно поддерживать его существование на протяжении десятилетий?

Пролить свет на эти вопросы теоретически могла бы характеристика М. Т. Семенихина, составленная курским уполномоченным Совета по делам религиозных культов и сохранившаяся в Государственном архиве Курской области. Однако её содержание вызывает ещё больше недоумения. Мало того, что советский функционер не даёт ответа ни на один из сформулированных выше вопросов, он усугубляет их, рисуя довольно нелицеприятный портрет М. Т. Семенихина и подчёркивая «антисоветские» аспекты в его деятельности. Так, говоря о событиях начала 1930-х гг., уполномоченный подтверждает факт раскулачивания и пишет, что «Семенихин подлежал высылке, но сбежал»¹⁴. Характеризуя историю с постройкой нового молитвенного дома в 1942 г., уполномоченный обращает внимание на инициативу о. Моисея и явную крамольную подоплёку его действий: «В период немецкой оккупации, – говорится в соответствующей справке, – Семенихин... не по принуждению немцев, как он пишет в своей автобиографии, а по своей инициативе построил здание старообрядческой церкви и стал служить священником. Дело в том, что в 1933 г. старообрядческая церковь в с. Скородное была разобрана и из её материалов был построен дом на две квартиры для учителей, а часть материала была использована на хозяйственные постройки колхоза. Когда Скородное было оккупировано, Семенихин выжил из дома учительницу и, собрав верующих, разобрал этот дом. Помимо этого дома были разобраны некоторые хозяйственные постройки колхоза и на том же месте, где стояла раньше церковь, из всех этих материалов был построен дом, в котором Семенихин организовал церковь»¹⁵.

Характеризуя жизнь о. Моисея и его прихода в послевоенный период, уполномоченный утверждает, что тот не пользуется уважением у верующих, поскольку «пьянствует» и кем-то именуется «мздоимцем» (правда, не поясняя, как может быть мздоимцем человек, не наделённый какими-либо функциями со стороны государства и живущий на пожертвования по определению)¹⁶. При этом чиновник указывает, что в 1951 г. в Курской области старообрядческой церковью был организован благочиннический округ,

¹⁴ ГАКО. Ф. 5200. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

GAKO, F. 5200, Op. 1, D. 65, L. 1.

¹⁵ Там же.

Ibidem.

¹⁶ Там же. Л. 2.

Ibid, L. 2.

М. Т. Семенихин был назначен его благочинным, а в 1954 г. он же был выдвинут кандидатом на посвящение в архиереи¹⁷, что явно не согласуется с предыдущими утверждениями. Наконец, можно найти у уполномоченного указание на хитрость и провокационную привычку батюшки говорить о своём сотрудничестве с органами государственной безопасности («работаю с ребятами»). При этом сам функционер в письме коллеге отрицал факт такого сотрудничества («не соответствует действительности»)¹⁸.

Знакомство с документами курского уполномоченного Совета по делам религиозных культов без попыток опереться на какую-либо иную информацию оставило бы единственный путь для интерпретации жизненного пути о. Моисея, соответствующий разве что советскому дискурсу. В рамках такой интерпретации М. Т. Семенихин – «ловкач», который всю жизнь пользуется простодушием односельчан и снисходительностью советской власти. Именно эта снисходительность позволила ему несколько раз уйти от заслуженных наказаний.

Однако сохранилась и другая история о. Моисея, рассказываемая знавшими его людьми. Эта устная история вступает в резкий диссонанс с характеристикой его личности, представленной в документах уполномоченного. В то же время она даёт ответы на вопросы, возникающие в ходе знакомства с краткой биографией священника.

Согласно воспоминаниям (мне довелось побеседовать с тремя старообрядцами, в разное время жившими или бывавшими в с. Скородном и одним местным православным из того же села), М. Т. Семенихина уважали за прямоту и верность избранному призванию. Раскулачивание стало драматической страницей в его персональной истории и истории его семьи, однако не стало трагедией – о. Моисею дали возможность беспрепятственно скрыться. Последующие годы его семья (жена и трое дочерей), потерявшая дом, была вынуждена жить в землянке, терпя материальные лишения. Стремясь помочь, «бегствующий» (теперь уже не от православной церкви, а от светской власти) священник присылал сюда деньги из Москвы и Орла. Об этом односельчане знали, а руководство колхоза, очевидно, закрывало глаза. Незадолго до начала войны старшая дочь о. Моисея – Евдокия – поступила в Курский государственный медицинский институт и только тут столкнулась с проблемами, обусловленными родством (в результате ей пришлось поменять отчество «Моисеевна» на «Михайловна»)¹⁹.

Постройку молитвенного дома во имя св. Козьмы и Дамиана в 1942 г. о. Моисеем люди вспоминают (опираясь, в свою очередь, на рассказы старшего поколения) с гордостью, как акт восстановления справедливости.

¹⁷ ГАКО. Ф. 5200. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.

GAKO, F. 5200, Op. 1, D. 65, L. 2.

¹⁸ Там же.

Ibidem.

¹⁹ Запись беседы с Л. С. Чаплыгиной. Курск, 26.04.2018 г.; Запись беседы с А. П. Чаплыгиным. Курск, 29.09.2019 г. (Личный архив автора).

Zapis' besedy s L. S. Chaplyginoy. Kursk, 26.04.2018 g.; Zapis' besedy s A. P. Chaplyginym. Kursk, 29.09.2019 g. (Personal archive of the author).

Время Великой Отечественной войны для них – не только период страданий, но и момент торжества традиционных ценностей. Например, кроме возобновления регулярных богослужений в с. Скордном в старообрядческой среде до сих пор вспоминают торжественное событие, состоявшееся 19 января 1942 г., на Крещение, в с. Боеве (оно находится неподалеку от с. Скордного). На протекающей здесь реке местными староверами была вырублена прорубь в виде восьмиконечного креста, а сам ледяной крест был установлен неподалеку. В праздничное утро берега реки рядом с прорубью и крестом стали местом стечения большого количества верующих из окрестных деревень и сел. В торжественной обстановке о. Моисей совершил освящение воды. Интересно, что при священнодействии присутствовали и солдаты из оккупационного гарнизона. Во время освящения они стояли в стороне, однако через некоторое время тоже стали набирать освященную воду из проруби²⁰.

Интересен еще один вспоминаемый эпизод с участием о. Моисея и представителей оккупационного режима. В конце 1941 г. немцами были арестованы трое советских функционеров (очевидно, членов коммунистической партии) – бывший председатель сельсовета, председатель колхоза и его заместитель. Им грозил расстрел, однако о. Моисей явился в немецкую комендатуру и, невзирая на свою неприязнь к предшествующей политике советской власти, поручился за односельчан. Очевидно, рассчитывая на лояльность священника-старообрядца и его прихожан в будущем, оккупационные власти передали «колхозников» под надзор батюшки. Все трое остались живы и, в свою очередь, спасли о. Моисея от преследований советской власти, восстановленной в Курской области в 1943 г.²¹

Воспоминания односельчан о. Моисея относительно послевоенного периода его жизни рисуют картину довольно мирного сосуществования священника с властями. Спасенные «колхозники», а также авторитет М. Т. Семенихина среди односельчан предопределили возможность церковного окормления им не только старообрядцев с. Скордного, но и других сел, в том числе из других районов Курской области. При этом оставаться настоятелем прихода о. Моисею не помешал и тот факт, что его старшая дочь Евдокия во время оккупации была увезена на работу в Германию, а после окончания войны не вернулась в СССР, отправившись жить в США (где и провела вторую половину жизни, лишь один раз – в начале 1970-х гг. – приехав на родину и посетив отца с родственниками)²².

²⁰ Запись беседы с диаконом А. Шамовым. Курск, 15.12.2003 г. (Личный архив автора).
Zapis' besedy s diakonom A. Shamovym. Kursk, 15.12.2003 g. (Personal archive of the author).

²¹ Там же.

Ibidem.

²² Запись беседы с А.П. Чаплыгиным. Курск, 29.09.2019 г. (Личный архив автора).
Zapis' besedy s A.P. Chaplyginym. Kursk, 29.09.2019 g. (Personal archive of the author).

*О. Моисей Семенихин с прихожанами. 1970-е гг.
(Фото из личного архива Л.С. Чаплыгиной).*

Даже без рясы, согласно воспоминаниям очевидцев, М. Т. Семенихин выглядел как священник. Длинная борода, темная одежда, «рубаша с кисточкой», крест на шее делали его фигуру довольно необычной для социалистической деревни, «но в округе все привыкли и считали это нормой». Хрущевская антирелигиозная кампания не коснулась его прихода, или, по крайней мере, так казалось жителям с. Скородного²³.

В повседневной жизни М. Т. Семенихин вплоть до самых преклонных лет оставался бодрым и неунывающим человеком, в том числе был увлеченным грибником и страстным мотоциклистом. В возрасте более восьмидесяти лет он продолжал ездить на своём «Иже», даже катал на мотоцикле деревенских детей (почему и получил прозвище «батюшка на мотоцикле»)²⁴. Мог «иногда выпить с мужиками», но чаще отказывался: «... начнут мужики собирать по рублю, он даст три, но не пьёт»²⁵.

²³ Запись беседы с В.Т. Митрофановым. Село Скородное Золотухинского района Курской области, 15.05.2018 г. (Личный архив автора).

Zapis' besedy s V.T. Mitrofanovym. Selo Skorodnoe Zolotuhinskogo rajona Kurskoj oblasti, 15.05.2018 g. (Personal archive of the author).

²⁴ Там же; Запись беседы с Л.С. Чаплыгиной. Курск, 26.05.2018 г. (Личный архив автора).

Ibidem; Zapis' besedy s L.S. Chaplyginoj. Kursk, 26.05.2018 g. (Personal archive of the author).

²⁵ Запись беседы с А.П. Чаплыгиным. Курск, 29.09.2019 г. (Личный архив автора).

Zapis' besedy s A.P. Chaplyginym. Kursk, 29.09.2019 g. (Personal archive of the author).

Молитвенный дом св. Козьмы и Дамиана при жизни о. Моисея содержался весьма достойно, о чём свидетельствуют фотографии 1970-х гг. После же смерти священника он быстро пришёл в упадок, а в 1990-е гг. был разобран на стройматериалы жителями окрестных нестарообрядческих деревень²⁶.

Тем не менее знакомство с биографией М. Т. Семенихина в её устном изложении оставляет общее впечатление довольно жизнеутверждающей истории и заставляет вспомнить интересную концепцию Х. Уайта. Согласно последней, всякое сюжетное изложение истории (в том числе истории жизни отдельной личности) реализуется в рамках одной из четырёх возможных форм: романа, трагедии, комедии или сатиры²⁷. От выбранной формы зависит набор фактов (событий, наблюдений), которые оказываются включёнными в повествование. Устные рассказы о М. Т. Семенихине во всех четырёх случаях оказались «романами», поскольку роман «в своей основе есть драма самоидентификации», «драма триумфа добра над злом»²⁸. Все рассказчики увидели в жизни священника доказательства того, что жизнь может быть милосердна к человеку, если он не сдаётся и борется за правое дело.

Также нужно отметить, что в воспоминаниях рассказчиков персональная история о. Моисея приобрела характер нарратива, подтверждающего «закономерность» его жизненного пути с точки зрения реализации в нём универсальных законов человеческого бытия. Исследователи отмечают, что в число обязательных мифов нации (а порой и отдельных социальных групп) входят сюжеты о «золотом веке», «глубоком горе», «ключевом испытании», и, наконец, о «неизбежном великом возрождении»²⁹. Биография о. Моисея подается рассказчиками как раз через характеристику соответствующих ступеней: жизнь в начале XX в. – 1920-е гг. («золотой век» староверия), коллективизация, раскулачивание, гонения на церковь («глубокое горе»), война («ключевое испытание»), послевоенные годы («возрождение» церковной жизни, пусть и ограниченное).

²⁶ Запись беседы с В.Т. Митрофановым. Село Скородное Золотухинского района Курской области, 15.05.2018 г.

Zapis' besedy s V.T. Mitrofanovym. Selo Skorodnoe Zolotuhinskogo rajona Kurskoj oblasti, 15.05.2018 g. (Personal archive of the author).

²⁷ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург, 2002. С. 28–29.

Uajt H., *Metaistoriya: istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX v.*. Ekaterinburg, 2002. S. 28–29.

²⁸ Там же. С. 30.

Ibid, S. 30.

²⁹ Лурье С. В. Национализм, этничность, культура: категории науки и историческая практика // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 101–111; Черепанова Р. С. Советский опыт на постсоветском пространстве памяти // Мониторинг общественного мнения. 2011. №6 (106). С. 67.

Lur'e S. V., *Nacionalizm, etnichnost', kul'tura: kategorii nauki i istoricheskaya praktika*, Obshchestvennye nauki i sovremennost', 1999, № 4, S. 101–111; Cherepanova R. S., *Sovetskij opyt na postsovetskom prostranstve pamyati*, Monitoring obshchestvennogo mneniya, 2011, № 6 (106), S. 67.

Случай о. Моисея хорошо демонстрирует пропасть в восприятии «сельского батюшки на мотоцикле» государственной машиной (персонифицированной в уполномоченном Совете по делам религиозных культов) и простыми людьми – односельчанами, знакомыми. Кем, прежде всего, был о. Моисей – «везучим правонарушителем», чудом избежавшим наказания за свои антисоветские поступки и «коллорабационизм» или образцом конфессиональной/житейской стойкости? Хитрым «попом» или же наставником, показавшим односельчанам пример того, как можно оставаться собою, невзирая на правила режима? Думается, ответ на этот вопрос во многом зависит от исходных этических установок исследователя, в том числе его отношения к ценностям этатизма.

Как бы то ни было, описанный пример свидетельствует о возможностях «маленького человека» противостоять советской системе, которые часто недооцениваются исследователями. Жизненный путь священника не вписывается в распространенную модель историописания конфессиональных процессов, отталкивающую от того, что государство – субъект, церковный мир – объект, а сами верующие – «жертвы». В случае с о. Моисеем можно констатировать, что доверие и поддержка со стороны прихожан оказались сильнее, чем задаваемые советской властью антирелигиозные и антиклерикальные тренды.

Кроме того, думается, что история о. Моисея, представленная в документах и рассказах людей с противоположных оценочных позиций, является хорошим подтверждением важности параллельного использования традиционной исторической методологии, основанной на архивной работе, с приемами устной истории.

Список литературы:

1. *Каиль М. В.* Биографика новейшей истории православия: поиски метода, историографический опыт и тенденции развития // Российское православие от модерна к сегодняшнему дню (конец XIX – конец XX вв.): Проекция Великой русской революции в истории и историографии: сб. матер. междунар. науч. конф. Смоленск, 2018.
2. *Лурье С. В.* Национализм, этничность, культура: категории науки и историческая практика // *Общественные науки и современность.* 1999. № 4.
3. *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург, 2002.
4. *Черепанова Р. С.* Советский опыт на постсоветском пространстве памяти // *Мониторинг общественного мнения.* 2011. №6 (106).

«BATIUSHKA WITH MOTORCYCLE» IN THE SOVIET VIL- LAGE: EXPERIENCE OF A LOCAL HISTORICAL-BIOGRAPHIC RESEARCH

A. V. Apanasenok

Department of Humanities, Regional Open Social Institute

The paper is devoted to the analysis of the life of a rural Old Believer clergyman who managed to maintain church life of full value in his parish for several decades of the Soviet era. The author compares the assessments of his activities, presented, on the one hand, in the documents of the Kursk commissioner for religious cult affairs, and on the other, in the memoirs of fellow villagers and acquaintances of the priest. The work demonstrates the importance of studying the “big” confessional history through an appeal to the personal stories of “little people”.

Keywords: *history of the Russian province, confessional culture, Soviet system, historical and biographical research.*

Об авторе:

АПАНАСЕНОК Александр Вячеславович – профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Региональный открытый социальный институт (305009, Курск, ул. Маяковского, 85), e-mail: apanasenok@yandex.ru

About the authors:

APANASENOK Aleksandr Vyacheslavovich – Professor, Department of Humanities, Regional Open Social Institute (305009, Kursk, Mayakovsky St., 85), e-mail: apanasenok@yandex.ru

References:

- Cherepanova R. S., *Sovetskij opyt na postsovetskom prostranstve pamyati*, Monitoring obshchestvennogo mneniya, 2011, № 6 (106).
- Kail' M. V., *Biografika novejshej istorii pravoslaviya: poiski metoda, istoriograficheskij opyt i tendencii razvitiya*, Rossijskoe pravoslavie ot moderna k segodnyashnemu dnyu (konec XIX – konec XX vv.), Proekcii Velikoj russkoj revolyucii v istorii i istoriografii, Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Smolensk, 2018.
- Lur'e S. V., *Nacionalizm, etnichnost', kul'tura: kategorii nauki i istoricheskaya praktika*, Obshchestvennye nauki i sovremennost', 1999, № 4.
- Uajt H., *Metaistoriya: istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX v.*, Ekaterinburg, 2002.

Статья поступила в редакцию 10.10.2019 г.